

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

PHILOLOGY

LITERARY STUDIES

УДК 821.161.3

А. А. Гацкан

Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072 Минск, Республика Беларусь, imsanchesgatskan@gmail.com

РОЛИ И ФУНКЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

На протяжении всей истории литература заимствовала мифологические структуры, сюжеты и героев. Это характерно и для современного периода: интерес к национальной культуре со стороны авторов и читателей, а также развитие и популяризация жанров фантастики и фэнтези приводят к широкому использованию мифологических образов в литературном творчестве. Целью данной работы является изучение ролей и функций, которые выполняют мифологические существа в современной белорусской литературе. В статье представлен структурный анализ образов сверхъестественных существ в системе персонажей художественного произведения. Также использовались описательно-функциональный и сравнительно-сопоставительный методы. В ходе исследования установлено, что роли и функции мифологических существ разнообразны и не замкнуты в рамках их сверхъестественной природы, однако чаще введение мифологических существ акцентирует внимание на оппозициях «свой—чужой», «древнее—современное», «мёртвое—живое».

Ключевые слова: актантная модель; мифологические существа; система персонажей; современная белорусская литература; функции персонажей.

Библиогр.: 12 назв.

A. A. Gatskan

State Scientific Institution “Belarusian Culture, Language and Literature Research Center of the National Academy of Sciences of Belarus”, 1 Surganova Str., build. 2, 220072 Minsk, the Republic of Belarus, imsanchesgatskan@gmail.com

THE ROLES AND FUNCTIONS OF MYTHOLOGICAL CREATURES IN MODERN BELARUSIAN LITERATURE

Throughout history, literature has borrowed mythological structures, plots, heroes, and creatures. This is also characteristic of modern literature: authors' and readers' interest in national culture as well as the development and popularization of the science fiction and fantasy genres have led to the widespread use of mythological figures in fiction. The purpose of this study is to examine the roles and functions of mythological creatures in modern Belarusian literature. This article provides a structural analysis of supernatural figures within the character system of fiction using descriptive-functional and comparative-contrastive methods as auxiliary tools. The study concludes that the roles and functions of mythological creatures are diverse and not limited to their — mystical creatures — supernatural nature. However, the introduction of supernatural beings often emphasizes to the opposition “friend—foe”, “ancient—modern” and “dead—live”.

Key words: actantial model; mythological creatures; character system; modern Belarusian literature; characters' functions.

Ref.: 12 titles.

Введение. Мифологические образы (существа, герои, боги) не новое явление для белорусской литературы, однако изучение их роли в художественном мире актуально для современного литературоведения, поскольку с развитием таких жанров популярной литературы,

как фэнтези и фантастика, наблюдается тенденция к большей мифологизации и художественному мифотворчеству. Мифологическое существо (далее — МС) как значимое составляющее художественного мира используется авторами белорусской литературы начиная с XIX века. Например, в произведении Я. Барщевского «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апаваданнях» встречаются оборотни, духи, призраки. С бурным развитием национальной литературы в XX—XXI веках стало появляться всё больше произведений, в которых очевиден интерес к мифу. Среди них — «Хохлік» и «Сон на кургане» Я. Купалы, «Дзікае паляванне караля Стаха» и «Ладдзя распачы» В. С. Короткевича, «Дамавікамерон» А. Глобуса, сборники «І тады я памёр...» и «Міражы ценяў» А. Козлова, «Навь», «Полтергейст» и «Дракон для жениха» Н. Ракитиной, «Эрыніі» Ю. Станкевича и др. В 2024 году опубликована книга «Цені Дзікага палявання», сюжеты произведений которой вдохновлены белорусскими мифами и легендами. В 2025 году изданы сборники рассказов «(Не)чистый Минск» и «(Не)зримая Беларусь». В произведениях центральное место занимают персонажи, восходящие к образам белорусской мифологии.

Цель данной работы — изучение ролей и функций, которые выполняют МС в современной белорусской литературе.

Материалы и методы исследования. Методами исследования в данной работе являются структурный, описательно-функциональный и сравнительно-сопоставительный анализ, а также актантная модель А.-Ж. Греймаса. Материалами исследования выступили произведения белорусских авторов второй половины XX—XXI веков, такие как «Лесавік» и «Ваўкалакі» А. Кожедуба, «Валсарб» Х. Побяржиной, «1813» В. Садовского, «Справа № 31. Талісман» А. Горбачёвой. Работы отбирались на основе их принадлежности к разным литературным направлениям.

Результаты исследования и их обсуждение. Чем крупнее художественное произведение, тем более внушительной и запутанной представляется система персонажей в сюжете. Так, короткий рассказ может иметь одного единственного главного героя, а стихотворение — одного лирического героя. Однако в текстах, принадлежащих к малой литературной форме, также редко встречается только одно действующее лицо: обычно оно так или иначе окружено другими персонажами, которые раскрывают главного героя и определяют развитие сюжета. Персонажей можно рассматривать как через их роль в развитии сюжета (на это указывали В. Я. Пропп, А.-Ж. Греймас), так и в аспекте взаимодействия друг с другом (к этой проблеме обращались Б. В. Томашевский, Л. В. Чернец).

По определению, которое даёт Н. Д. Тамарченко в работе «Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий», система персонажей — это «соотнесенность всех “ведущих”, а также всех “второстепенных” действующих лиц в литературном произведении, реализующая авторское “художественное задание”» [1, с. 230]. Литературовед указывает, что автор показывает через данную систему своё представление о взаимодействии человека с природой, обществом, историей, а также свои мысли о типах людей разных национальностей, возрастов, профессий, характеров, идеологических убеждений и др. [1, с. 230].

Самой простой классификацией персонажей является разделение на главных, второстепенных, эпизодических и внесценических героев. Также в литературоведении существуют два подхода к анализу системы персонажей: через роль в сюжете и через взаимоотношения героев. Первый направлен на строгое разделение персонажей по категориям, второй — на раскрытие внутреннего мира героев.

Рассмотрение системы персонажей через их роль в развитии сюжета стоит начать с трудов В. Я. Проппа. Так, в классификации, которую выделил учёный в публикации «Морфология волшебной сказки», указаны следующие типы: вредитель, чья роль заключается в разрушении спокойствия, нанесении вреда [2, с. 37—38]; даритель, или снабдитель, — персонаж, занимающийся проведением испытания героя (искателя или пострадавшего) и пере-

дачей ему некого предмета [2, с. 49]; волшебный помощник, с помощью которого герой проходит испытания (по мнению В. Я. Проппа, данный тип также делится на универсального, частичного и специфического) [2, с. 91—92]; искомый персонаж (и отец), являющийся своеобразной наградой героя за испытания [2, с. 75, 88]; искатели — главные герои, которых посылают на поиски похищенного искомого персонажа [2, с. 46]; пострадавшие — главные герои, которых похищают или изгоняют (персонажа-искателя в таких сказках, по словам В. Я. Проппа, нет) [2, с. 46]; ложный герой — персонаж, чья роль заключается в присвоении результатов прохождения испытания главным героем [2, с. 68].

Подобный перечень встречается у Э. Сурьо в издании «200 000 драматических ситуаций». При этом А.-Ж. Греймас утверждает, что маловероятно знание философом работ В. Я. Проппа [3, с. 253]. Классификация Э. Сурьо выглядит следующим образом: Лев, исполняющий роль направляемой тематической Силы [3, с. 254]; Солнце, являющееся Представителем Блага, желаемого Львом, направляющей Ценности [3, с. 254]; Земля, служащая виртуальным Получателем Блага (результата прохождения испытаний Львом) [3, с. 254]; Марс, представляющий собой Противника [3, с. 254]; Весы, осуществляющие роль Посредника, распределителя Блага [3, с. 254]; Луна, оказывающая помощь, которая удваивает одну из вышеперечисленных сил [3, с. 254]. В своих размышлениях Э. Сурьо отказался от седьмой функции — типа предателя, некоторые учёные упоминают.

Опираясь на исследования В. Я. Проппа и Э. Сурьо, А.-Ж. Греймас представил собственную актантную модель нарративной структуры любого текста в работе «Структурная семантика: поиск метода»: субъект, соотносящийся с героем (искателем и пострадавшим) В. Я. Проппа и Львом Э. Сурьо [3, с. 256]; объект, сопоставляемый с искомым персонажем В. Я. Проппа и Солнцем Э. Сурьо [3, с. 256]; адресант, соответствующий Весам у Э. Сурьо. У В. Я. Проппа аналогом является отец, который в классификации учёного является составляющей искомого персонажа [3, с. 257]; адресат, соотносящийся с Землёй у Э. Сурьо. У В. Я. Проппа функции адресата принадлежат герою (искателю или пострадавшему) [3, с. 257]; вспомогательное средство, соотносящееся с Луной у Э. Сурьо. У В. Я. Проппа данный тип разделён на дарителя/снабдителя и волшебного помощника [3, с. 258]; противник, сопоставляемый с ложным героем у В. Я. Проппа и с Марсом у Э. Сурьо [3, с. 258].

В работе «Структура художественного текста» Ю. М. Лотман разделяет персонажей на «подвижных» и «неподвижных»: «Неподвижные — подчиняются структуре основного, бессюжетного типа. Они принадлежат классификации и утверждают её собой. Переход через границы для них запрещён. Подвижный персонаж — лицо, имеющее право на пересечение границы» [4, с. 287—288]. Совершение действия, влияющего на сюжет, является, согласно Ю. М. Лотману, границей, которую, как правило, не могут пересечь «неподвижные» герои. Хотя учёный отмечает, что существуют частные случаи, когда это происходит.

Если рассматривать систему персонажей с точки зрения их взаимоотношений, то следует начать с труда Б. В. Томашевского. Так, в работе «Поэтика» учёный приводит простейшую разбивку персонажей на следующие категории: друзья и враги главного героя [5, с. 219]. В публикации «Персонажей система» Л. В. Чернец указывает на то, что система персонажей строится не только на сюжетной связи, но и на соотношении характеров [6, с. 254]. Так, исследователь ссылается на А. А. Тахо-Годи, которая говорит, что характер Антигоны, смелой героини, полнее раскрывается на фоне трусливой Исмены, мудрость Тиресия — на фоне недалёковидности Креонта [6, с. 254—255].

Подобных идей придерживается и В. А. Грехнёв, вводя понятие «система “зеркал”» в разделе «Персонажи в композиции». Учёный указывает на «укрупнение» характера главного героя как одну из функций второстепенных персонажей: «Оставаясь на периферии изображения, в определённых ситуациях они могут выдвигаться на авансцену действия, бросая на главного персонажа яркий свет, высвечивающий комическую или трагическую крайность, притаившуюся (хотя бы в форме возможности) в тех или иных наклонностях его души» [7, 130—131]. Литературовед приводит в пример персонажей И. А. Гончарова: показать характер Александра Адуева невозможно без Петра Адуева («Обыкновенная история»), Обломова — без

Штольца («Обломов»). Однако концепция В. А. Грехнёва может использоваться и при анализе главных героев, роль которых определяется не только положением в сюжете, но и взаимоотношениями с иными составляющими художественного мира произведения. При этом обращение к теории А.-Ж. Греймаса позволяет уточнить статус главного героя и определить его функцию.

Леший является главным героем повести А. Кожедуба «Лесавік», а в соответствии с классификацией Греймаса — субъектом. В произведении МС выступает посредником между природой — пущей и зверьми — и человеком: *«Але заўсёды ён памятаваў, усведамляў, што нейкая суязь паміж ім і чалавекам першапачаткова была. У агульным падабенстве паставаю, абліччам — гэта тады, вядома, калі ён паўставаў у сваім сапраўдным выглядзе і дазваляў убачыць сябе, — адным словам, у тым, што быў ён усё ж больш чалавекам, чым зверам? <...> Агульнае было, гэта несумненна, як і была вялікая розніца»* [8, с. 29]. Леший — хранитель памяти о прошлом: о том, каким был лес до активного использования его людьми. Главный герой связывает древний мир, когда леса были густыми и полными животных, и современный, когда многие из зверей вымерли как вид, а деревья стали подвергаться масштабной вырубке. В некотором роде леший выступает и хранителем памяти о роде человеческом: *«І яны дзе помнілі сваіх продкаў, іхнія добрыя справы, а дзе і забываліся. Чалавек мог наваліцца якраз на тым месцы, дзе разбівалі насы ягоныя бацькі ці дзяды. Лесавік жа помніў усё»* [8, с. 142—143]. Кроме того, лесной хозяин является символом взаимозависимости человека и природы: *«Побач з лесавіком былі зараз людзі, з якімі, увогуле, ён мог зрабіць усякае. Але гэта былі і людзі, ад якіх ён залежыў, ягоныя гаспадары»* [8, с. 54].

В повести «Лесавік» есть и другие представители славянской мифологии, однако их присутствие носит внесценический характер и часто ограничивается однократным упоминанием. Люди в системе персонажей повести «Лесавік» играют более значимую роль: автор описывает их взаимодействие между собой и лешим. Стоит отметить, что поступки лешего по отношению к людям не являются антагонистическими, несмотря на приведённую выше цитату. Большинство персонажей-людей оказываются эпизодическими, кроме девушки, которой леший показал себя. Интерес хозяина леса к женщине подчёркивает, что, несмотря на урбанизацию и потребительское отношение человека к природе, они по-прежнему связаны.

Похожая встреча человека и не-человека происходит в рассказе «Ваўкалакі» А. Кожедуба. Оборотень, несмотря на отсутствие у него реплик и активного взаимодействия с другими персонажами, исполняет роль главного героя. По Греймасу, данный герой является субъектом, поскольку он, будучи пострадавшим персонажем, активно ищет способ избавления от своего проклятия. Этот персонаж также выступает в роли адресата, так как самостоятельно достигнуть своей цели он не может, и адресанта, поскольку побуждает других персонажей к действию.

Интерес вызывает сюжетное взаимодействие оборотня и Никиты (Мікіты). Последний, будучи единственным персонажем, знающим, что делать, является вспомогательным средством, по Греймасу. Однако герой не может исполнить свою функцию, так как у него отсутствуют нужные средства для снятия проклятия: *«Няма ў нас нявесты, чуеце? — гукнуў ён. — І скрыпкі няма! Не дапаможа вам мая замова. Не верыце? То слухайце!»* [9]. Никита выступает как хранитель памяти и фольклора, а присутствие оборотня в произведении можно трактовать как символ важности сохранения обычаев, передачи их следующим поколениям. Окончание рассказа намекает на то, как традиции могут адаптироваться в современном мире: живая скрипка на свадьбе, которую надо было услышать проклятому, заменена на студийную запись, доносящуюся из радио в машине. Таким образом в произведении актуализируется оппозиция «прошлое—настоящее» и одновременно подчёркивается идея преемственности.

«Бывшими людьми» зовутся души — призраки людей, умерших во время Великой Отечественной войны, в романе Х. Побяржиной «Валсарб». Каждый «бывший человек» является отдельной личностью, рассказывающей свою историю, что делает их по своей сути адресантами: *«Бывшие люди хотят быть услышанными. Во что бы то ни стало»* [10, с. 166], *«Каждой душе нужны свидетели. Душе необходимо, чтобы её назвали, окликнули по имени и где-то задокументировали это имя. На день или на тысячелетие — не душе решать. Но не*

существует отчаянья сильнее, чем отчаянье безымянной души» [10, с. 267]. «Бывшие люди» выступают также получателями блага, так как главная героиня, будучи субъектом, выполняет их волю. Это приносит «душам» успокоение и делает их адресатами. Очевидно, что души в «Валсарбе» представляют собой символы памяти о событиях минувших дней, напоминанием об индивидуальных судьбах, часто потерянных среди множества подобных им. Общие сведения о значительных потерях обезличены, в то время как трагедия одного человека — одна из тысяч — вызывает глубокое сочувствие.

Зомби в повести «1813» В. Садовского являются антагонистами, противниками. Это классическая и, пожалуй, единственная роль этих МС в таком поджанре ужасов, как зомби-хоррор. При этом ожившие мертвецы — это персонажи-массовка. Главным или второстепенным персонажем может быть человек, но после смерти он неизбежно теряет свою личность. Когда человек жив, его действия в рамках художественного произведения имеют под собой рациональные или эмоциональные обоснования. Но когда он умирает, у него остаётся только продиктованная канонами зомби-хоррора потребность питаться людьми: «... мерцвякі напіралі на замізлыя камяні муроў, лезлі адзін на аднаго, каб толькі дацягнуцца да свежага чалавечага мяса» [11]. И это является главным разграничением персонажей на два лагеря в произведении «1813»: первыми в повести погибают французы, солдаты Наполеона, и они же в виде зомби нападают на «своих» и «чужих». Впоследствии «чужие» нападают на «своих». В этом заключается некоторая идея ультимативного единства человечества: перед смертью все равны.

Мир в рассказе «Справа № 31. Талісман» А. Горбачёвой полон МС, выполняющих разные функции. Дед-Бородед (Дзед-Барадзед) является второстепенным персонажем, адресантом. Он — руководитель главных героев (людей) в Центре уникальностей и чудес (Цэнтр унікальнасцяў і дзівосаў, ТАА «ЦУД»), его задача — раздавать дела, которые персонажи должны расследовать. Дух-переходник (пераходнік), предполагаемый противник, оказывается, согласно Греймасу, вспомогательным средством, так как он предоставляет нужную информацию главным героям: «Хм, сімпатычная. Ведаеце, бачыў акурат учора — яна тут з нейкім вупыром сустракалася. Ён усё вёўся вакол яе, кветкі прынёс, а яна з такім незадаволенным тварам ішла, што я яшчэ падумаў: такая дзяўчына ўпоперак горла стане» [12, с. 35]. Упырь Вениамин, второй подозреваемый противник, становится по мере раскрытия сюжета вспомогательным средством: он побеждает противника, помогая главным героям: «Атрымай, старая карга! — Венік разышоўся і ўсё лупіў важкім мехам па ўсім целе бабкі. Тая шыпела, ухільлася, але разгневанага хлопца было не спыніць» [12, с. 63]. Интересно, что в данном произведении объект — искомая Юля — становится наградой Вениамина, когда возвращается к нему после расставания. Это наделяет упыря функцией адресата. Алеся Францевна становится неожиданным противником, оказываясь упырём: «Што “чаго”? Думаў, я не заўважу, што ты памёр? Я ж не першы дзясятка гадоў жыву, — хіжа рассмяялася вупырыха. — Шкада, што кроў тваю піць ужо нельга» [12, с. 61]. Такой разброс функций объясняется жанровыми особенностями произведения: «Справа № 31. Талісман» относится к поджанру городского фэнтези и имеет элементы детектива. При этом в рассказе не наблюдается такого чёткого разделения «свой—чужой», как в произведениях, приведённых выше: МС являются коллегами, врагами, друзьями героев-людей. Таким образом происходит внедрение сверхъестественного в обыденную реальность, что может служить инструментом принятия людей, кажущихся иными с точки зрения общества (люди, принадлежащие к другой расе или этнической группе, с другим вероисповеданием, инвалиды, неформалы и т. д.).

Заключение. Исследование произведений современных белорусских авторов демонстрирует, что МС могут выступать в разных ролях и выполнять функции как субъектов художественного текста, так и противников, адресантов и адресатов, вспомогательных средств. Наличие мистических созданий имеет различное значение от произведения к произведению, но чаще введение сверхъестественных существ акцентирует внимание на оппозициях «свой—чужой», «древнее—современное», «мёртвое—живое».

Список цитируемых источников

1. Тамарченко, Н. Д. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Н. Д. Тамарченко. — М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. — 358 с.
2. Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — Л. : Academia, 1928. — 152 с.
3. Греймас, А.-Ж. Структурная семантика. Поиск метода / А.-Ж. Греймас. — М. : Академ. проект, 2004. — 368 с.
4. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. — М. : Искусство, 1970. — 384 с.
5. Тамарченко, Н. Д. Теоретическая поэтика: хрестоматия-практикум: учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений / Н. Д. Тамарченко. — М. : Академия, 2004. — 400 с.
6. Чернец, Л. В. Персонажей система / Л. В. Чернец // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. — М. : Высш. шк., 1999. — С. 252—261.
7. Грехнёв, В. А. Словесный образ и литературное произведение / В. А. Грехнёв. — Н. Новгород : Нижегород. гуманитар. центр, 1997. — 200 с.
8. Кажадуб, А. Лесавік / А. Кажадуб // Цení Дзікага палявання ; уклад. і аўт. уступ. арт. А. М. Карлюкевіч. — Мн. : Аверсэв, 2024. — С. 9—144.
9. Кажадуб, А. Ваўкалакі / А. Кажадуб. — URL: https://knihi.com/Ales_Kazadub/Vaukalaki.html (дата звароту: 30.03.2026).
10. Побяржына, Х. Валсарб / Х. Побяржына. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 284 с.
11. Садоўскі, У. 1813 / У. Садоўскі. — URL: <https://fb2.top/1813-534399/read> (дата звароту: 30.03.2026).
12. Гарбачова, Н. Справа № 31. Талісман / Н. Гарбачова // (Ня)чыстыМінск : зб. міст. апавяданняў ; кал. аўт. т-ва бел. фантастаў «Шуфлядка пісьменніка» ; іл. Г. Дзюкава Batori. — Мн. : Папуры, 2025. — С. 29—68.

Поступила в редакцию 11.06.2026.